Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт. 2020» - Дебют

Номинация «Дебют» 2020

Столицына Яна Алексеевна (персональный номер участника - 234)
Сорокин Александр Сергеевич (211)
Шалаева София Николаевна (196)
Багирова Эльмира Искендер кызы (217)
Воронов Михаил Евгеньевич (239)
Токарева Полина Александровна (235)

Первое место (золото) и звание лауреата **Столицына Яна Алексеевна** (малая проза) – родилась в 2001 году в городе Заречный Пензенской области. Студентка первого курса Пензенского колледжа искусств. Занимается в театральной студии «Сцена». Лауреат фестиваля «Гранатовый браслет» (2019 г.). Живёт в городе Заречный.

Рассказ про кота, пережившего блокаду

Максимка, серенький и полосатый кот, любимец всей семьи, не знал ни хлопот, ни забот. Вот и сейчас он лежал и смотрел в потолок. Он только что поел, и после этого не хотелось ни думать, ни бегать, ни вообще что-либо делать. Но Максим по этому поводу не переживал, его и так все любили: и мама с папой, и Вера, и мамин брат дядя Гера. Да он особо ничего и не делал: только появится – и все ему рады. Ласкают, целуют, обнимают. Прямо малина, а не жизнь. И это понятно, ведь он был котом.

В большой и красивой квартире, где жил Максимка, был у него друг – попугай Жак, или, как все его ласково называли, «Жаконя», болтливый на редкость.

Когда кот впервые увидел Жака, у него даже шерсть встала дыбом. Потом у них случались постоянные ссоры и доходило чуть ли не до драки. Но Жак жил в клетке, и Максиму стоило большого труда просовывать в нее лапу.

Делал он это часто, хотя и знал, что прибегут мама с Верой и начнут ему лекции читать о том, что Жаконя – член семьи и его нельзя обижать. На это Максимка всегда обижался и думал: «Хоть бы суп из этого Жака сварили, и то бы польза была. А так сидит в своей клетке и трещит без умолку. А я – натура тонкая, люблю поспать после обеда».

Но больше всех Максима и Жака любила Вера. Девочка она была хорошая, очень добрая. Всякими вкусностями делилась с Максимом, а когда появился Жаконя, и про него не забывала. За это Максимка её ревновал и высказывал свое недовольство доступным ему способом: когда Жак вылетал из клетки, Макс гонялся за ним по всей квартире, сметая все на своем пути.

– Что, ревнуешь? – смеясь, обращалась к нему Вера. – Не стоит. Я вас одинаково сильно люблю. И тебя, и Жака.

И гладила кота по голове. А когда тот успокаивался, клал голову ей на колени и что-нибудь мурлыкал себе под нос. Жаконя в клетке тоже начинал выводить свою мелодию.

Когда взрослые уходили на работу, а Вера в школу, Максимка оставался дома один. Он вообще не любил выходить на улицу, ему и дома было хорошо. Тогда он садился напротив клетки и сверлил Жака взглядом. Попугай, заметив кота, не упускал случая его поддразнить:

– Максимка ду-р-р-ак! Максимка ду-р-р-ак!

– Кто-о-о дурак? Я-а-а-а? – протяжно мяукая, возмущался Максим.

– Максимка ду-р-р-ак! Ду-р-р-ак Максимка! – не унимался Жак.

Как-то Макс не выдержал: в один прыжок оказался у клетки и стал по ней стучать лапой – хотел проучить надоедливого попугая. Тут открылась входная дверь, пришла Вера. Она услышала, что из комнаты доносятся жалобные крики Жака, и побежала на помощь. Отогнала Максима от клетки и стала успокаивать попугая:

– Тише, Жаконя, не бойся. Максимка не со зла, – она строго посмотрела на Максима.

Тот отвел глаза в сторону и стал делать вид, будто не понимает, о чем она.

– Как же тебе не стыдно, – ругала его девочка, – Жак твой друг. Ты же не любишь, когда дядя над тобой подшучивает, вот и ты, будь добр, не обижай Жака: он этого не любит. Правда, Жак?

– П-р-р-равда! П-р-р-равда!

Но прошло немного времени, и Максим привык к Жаку, но все же чуть-чуть недолюбливал: уж слишком тот много болтал, а Максимка любил тишину и покой.

Но вскоре пришлось забыть и о тишине, и о покое так же, как и о сытных обедах. 22 июня в четыре часа началась война. Папа ушел добровольцем на фронт. А 8 сентября началась блокада Ленинграда – огромного и красивого города, где жил Максимка с хозяевами. С той поры его жизнь надолго окрасилась темными, безрадостными красками…

…Особенно страшным был 1942 год. Весь город занесло снегом, ударили морозы, маленькую печку-буржуйку топили книгами, потому что газеты кончились, а многие красивые вещи обменяли на еду. В комнате с заклеенными крест-накрест окнами стало темно и жутко.

Хотя мама и дядя работали с утра до ночи и получали хлебные карточки, семья все равно постоянно голодала. Несмотря на это, добрая Вера всегда делилась с Максимом и Жаком последними крошками.

Максимка не понимал, что происходит: почему вдруг весь мир стал таким холодным и мрачным? Почему его близкие стали так редко улыбаться? Почему вдруг стало так мало еды? Хотя взрослые, как и в мирное время работали, а Вера все так же ходила в школу, все равно все было не так, как раньше.

Максимка, изголодавшись, стал таким тощим, что и не узнать. Шерсть вылезала клоками, отросшие

когти стучали по полу. А Жак поблек, растерял радужные перья, перестал петь свои песни и дразнить его.

А однажды…

– Давайте съедим кота, – сказал дядя, указывая на Максима.

Мама с Верой уставились на него, не понимая… Что он сказал?

– Давайте съедим, все равно никакой пользы, – повторил дядя.

– Что ты такое говоришь? – медленно произнесла мама. – Мы не можем…

– Можем, еще как можем! – закричал дядя. – Вы же не хотите помереть с голоду? Так давайте сделаем котлеты или сварим суп. Съедим, съедим…– повторяя это, он направился на кухню… Вера вцепилась в него и со слезами на глазах умоляла:

– Не надо, пожалуйста! Он же наш… родной! Не надо! Пожалуйста, пожалуйста…

Несколько дней подряд мама и Вера защищали своего любимца от обезумевшего от голода дяди. Максима вместе с Жаком спрятали в кладовой.

Кот сначала удивился, что его здесь оставили, и стал звать хозяев, чтобы ему открыли дверь. Звал он долго…

Но потом все понял… С тихой грустью свернулся он под дверью и слушал, как кричит дядя, как еле слышным, дрожащим голосом возражает ему мама и как плачет Вера.

После этого случая его почти не выпускали из кладовой и запирали её на ключик. Но Максиму было уже все равно. Он перестал выпрашивать еду, а только бессильно лежал и своими большими грустными глазами смотрел в пустоту. Не было сил звать кого-то. Иногда сквозь сон он слышал, как дядя требует, чтобы кота съели. «Если бы это как-то помогло им, – думал он, – если бы это спасло их… Лишь бы они были счастливы, лишь бы снова улыбались…». – Глаза его наполнялись слезами. Той же ночью Вера тихонько проскользнула в комнату к Максиму и Жаку.

– Вы, наверное, кушать хотите? – она, обняв кота, протянула ему маленький кусочек хлебушка. Но тот отодвинул протянутую руку и отвернулся: «Съешь сама… тебе это нужнее».

– Не хочешь… – с грустью в голосе проговорила девочка. – А ты, Жак, тоже не будешь?

Попугай отвернулся. Вера обняла Максима еще крепче и тихонько заплакала.

На следующий день все ушли из дома по делам. Каждый день город бомбили, и Максимка не знал, вернутся его хозяева или нет, и понимал, что ничего не может сделать. Он долго смотрел, как Жак ежится от холода в своей клетке, и сделал то, на что не решился бы раньше…

Когда мама, дядя и Вера вернулись домой, девочка сразу же побежала в комнату к свои питомцам, открыла дверь и…

– Посмотрите…– только это она и смогла выговорить.

Мама с дядей тут же бросились к ней. И то, что они увидели, их поразило: Максим все-таки залез в клетку к Жаку… Но не для того, чтобы его съесть.

Максим и Жак прижимались друг к другу, стараясь согреться. Все трое: мама, дядя, Вера стояли на пороге комнаты и молчали. Максим не знал, какие они испытывали чувства, но после этого дядя ни разу не говорил о том, что кого-то надо съесть.

Каждый день Максим и Жак согревали друг друга своим теплом, но вскоре Жака не стало.

А кот, благодаря своим хозяевам, пережил блокаду.

Праздничный День Победы мама, дядя и Вера праздновали уже с отцом, который вернулся с фронта. В большой квартире опять стало светло и весело.

А Вера с удовольствием показывала Максима знакомым, которые приходили посмотреть на кота, который смог выжить в самые тяжелые и жестокие времена Ленинграда.

Началась мирная жизнь, и кот еще долго жил в сытости и покое. Но он никогда не забывал ту зиму, комнатку и своего друга Жака. Умер Максим в 1957 году. От старости…

P.S. Этот рассказ, основанный на реальных событиях, посвящен всем, кто пережил блокаду Ленинграда.

Второе место (серебро) и звание лауреата **Сорокин Александр Сергеевич** (стихи) - родился в 2002 году в городе Заречный. Ученик 10 класса МОУ Лицей № 230. Занимается в Детской школе искусств по специальности «гитара», увлекается воркаутом и стритлифтингом. Победитель конкурса юных поэтов и прозаиков им. Б.Милавина. Живёт в городе Заречный Пензенской области.

Письмо

«Привет, ты верно уж не ждешь
Письма от любящего друга.
Ну, как ты, милая супруга?
Как поживаешь, как живешь?
Мы распрощались... Как вчерашний
Я помню день, и как любя
Смотрела вслед... Мне очень страшно,
Нет, не за жизнь… а за тебя.
Ведь я нисколечко не знаю,
Когда придет мое письмо.
Я каждый день тут погибаю,
Но все пишу, пишу его.
Писал в окопах подо Ржевом,
Писал, как только был привал.
Я столько рассказать хотел бы,
Но вновь свободный час пропал.
Недавно под обстрелом были,
Рвалась фонтанами земля.
Я был в землянке… Придавило…
Но тут я вспомнил про тебя...
Всё было пусто, тихо, мирно,
Нет больше страха и смертей...
Но вдруг я понял: я погибну,
А ты растишь моих детей.
Меня нашли и откопали.
Я видел свет, но шёл назад.
«Держись, братишка», – мне сказали
И оттащили в медсанбат.

Я вновь в строю... хворой и мятый,
Но буду фрица бить и бить,
Чтоб пожалел фашист треклятый,
Что не сумел меня убить!
Я ненавижу это место.
Война... Будь проклята она!
В тот день, когда пришла повестка,
Я навсегда лишился сна.
И только лишь я закемарю,
Кошмары душу на обхват
В тиски, я будто умираю,
Но не в бою... не как солдат.
А помнишь Васю, вместе были?
Прошли не раз бок о бок ад!
Сегодня утром хоронили...
И вместе с ним других ребят...
А скоро вновь пойдет в атаку
Усталый поредевший взвод.
И этот миг наполнен мраком,
Ведь знаем: кто-то вновь умрёт.
Ещё немного. Сердце сжалось:
Видать, предчувствует беду.
Нет, то не страх и не усталость.
А, черт с ним, я назад приду!
Мы снова заживём с тобою,
Ты только жди меня, прошу.
Сейчас письмо своё закрою
И к почте полевой сношу.
Люблю тебя, живи, Родная!
Нас собирают, я пошёл...
Я не прощаюсь... я скучаю.
Вернусь. Всё будет хорошо!»

***

Письмо погибшего солдата,
Оставившего жизнь свою
За мир, за своего собрата
В неравном праведном бою.

Таких в землянках не считали,
Кто в стороне от всех, молчком,
Слюнявя карандаш, писали
Кто как, на свой манер, о ком...

Таких по всей стране: косматых,
Небритых, злых на целый свет,

В протертых ватниках, лохматых –
В окопах сосчитали б? Нет.

А сколько писем треугольных
За похоронками ушли...
Живые письма от покойных
Солдат, которых не нашли...

А сколько было слов: «Все будет»,
«У нас все хорошо, живем»...
Страна их писем не забудет,
Тех самых, кто горел живьем...

А в тех словах, в тех желтых строках
Мечты, разбитые когда-то,
В них вся война годов далеких
И сила русского солдата.

Третье место (бронза) и звание лауреата **Шалаева София Николаевна –** (стихи), город Йошкар-Ола, Марий Эл.

Я под Ржевом лежу…

Я под Ржевом лежу на холодной земле
И звезду я к груди прижимаю.
Еле слышу, и словно мерещится мне:
Нежно маму свою обнимаю.

Я сражаюсь, сражаюсь, как только могу,
Не желал той судьбы мне отец.
Моя алая кровь на белёсом снегу –
Ленинградского фронта боец.

Надо мной небеса, я их очень люблю
И все звезды по памяти знаю.
Пусть не думал, и думать я так не хочу,
Но, по-моему, я умираю.

Надо мной темнота, а поодаль туман –

Это дым от упавших снарядов.
Из последних я сил открываю карман,
Вижу танки с движеньем глиссадов.

Достаю я снаряд, вырываю чеку
И бросаю со злостью во фрица.
И, закрывши глаза, прижимаю щеку.
Это долго еще будет длиться.

Я во всей этой казни безмолвно смотрю,
Как вдруг слышится хрип из окопа.
Кто-то жалобно молит: «Спасите, прошу!
Умираю, спаси ради Бога!»

Свой сжимая кулак, поднимаю себя,
И ползу я на крик, что есть мочи.
С болью в теле, какую представить нельзя,
Но помочь я хочу ему очень.

Под завалом в окопе лежит лейтенант:
Ему двадцать, не больше – мальчишка.
В его ранах виновником стал оккупант,
Что жесток и безжалостен слишком.

Я его откопал и несу на плече:
Искалечены обе ноги.
И не верил я в Бога, в мольбу при свече,
Но теперь я прошу: «Помоги!»

Мы дошли, но, увы, в этот радостный миг
Я увидел, как снайпер стреляет.
Не хотел я, чтоб этот мальчишка погиб,
Пусть в меня лучше тот попадает.

И свинец через сердце насквозь пролетел,
Вдруг увидел сторонку родную.
Как же сильно я к маме тогда захотел,
Чтобы быть погребен одесную.

Я всю жизнь изучаю планеты и пыль,
Видел звезды и дали чужие,
А на фронте я понял – не правильно жил.
Настоящие звезды – литые.

Достаются они кровью наших бойцов
В том аду, что пророчил нам Авель.
Это кровь сыновей, и дедов, и отцов,
И моя, что на поле оставил.

Я под Ржевом лежу на холодной земле
И звезду я к груди прижимаю.
И окоп будет вечной могилою мне,

Но к победе придем, обещаю!

Звание дипломанта **Багирова Эльмира Искендер кызы** (стихи) – родилась в 2003 году в городе Заречный. Ученица 10 класса МОУ Лицей № 230. Окончила Детскую школу искусств. Неоднократная победительница конкурса юных поэтов и прозаиков имени Б. Милавина. Увлекается рисованием, музыкой. Живёт в городе Заречный Пензенской области.

Боевая подруга

Посвящено Марии Васильевне Октябрьской

Я верю, в женском сердце пламя не угаснет,
Особенно когда любовь встречается с войной.
И жить среди врагов становится опасней,
Когда в жестокой битве погибает муж родной.

Пришла Марии летом злая похоронка,
Где сообщалось, что Илья погиб в бою.
И забрала война отважного комполка,
Который жизнь отдал за Родину свою.

Тогда отважная и верная супруга
Решила встретиться лицом к лицу с войной,
И для неё была построена «Подруга»,
Советский танк, который вёл её на бой.

Могучий танк сравнял с землей фашистов,
Тем самым удалось Марии отомстить
За смерть родного мужа и танкистов,
Которых жизнь решила отпустить.

Но как-то раз снаряд в кровавой битве
Разбил ленивец у «Подруги Боевой»,
И ранил тяжело глаза Марии
Осколок мины, темноту неся и боль.

Спустя два месяца Октябрьской не стало...
Она была верна и мужу, и стране.
И пламя в сердце у неё не угасало,
Пока любовь и вера жили на войне.

Звание дипломанта **Воронов Михаил Евгеньевич** (стихи) – родился и живёт в Санкт-Петербурге. Студент финансово-экономического факультета Финансового университета.

Великий День – день памяти и славы…

Великий День – день памяти и славы,
Который помнит каждый гражданин.
Спасибо всем защитникам державы,
Кто Родину потомкам сохранил.

Кто не боялся пули и гранаты,
Кто был готов встречать любой снаряд,
Кто не страшился рёва канонады
И мессершмиттов, в небе что летят.

Кто был бойцом, не требуя награды,
Хотя врага сражая наповал.
Кто у станка трудился до упаду,
Кто раны воевавшим промывал.

Кто стал для нас воистину героем,
Судьбу свою достойно принимал,
Кто не бежал от страха с поля боя,

Пусть даже был так молод, просто мал.

Мы будем вечно помнить эти годы
Не забывать об ужасах войны.
Солдаты подарили нам свободу,
И мы, народ, сберечь её должны!

Какое счастье – взять и скрыться...

Какое счастье – взять и скрыться
От всей житейской суеты,
Асфальта, копоти столицы,
От напрягающей среды.

Уехать за город, умчаться,
Освободиться от оков,
С природой сблизиться, и часто
Росу отряхивать с цветков.

Я здесь не слышу шум машинный,
А слышу тресканье костра,
Живой будильник петушиный,
Пилу соседа по утрам.

Вдыхаю здесь не дым завода –
Вдыхаю сладкие цветы,
Тут ждут работы садовода
И огородника труды.

Не вижу здесь людей толкучки,
Простор, свобода так легка,
И можно жизни злые тучки
Тут изменить на облака.

Стояли дуб, осина и берёза…

Стояли дуб, осина и берёза,
Вдали от них росла тихонько ель.
«Она ещё не встретила морозы,
Она ещё не видела метель». –

Так думали деревья-старожилы. –
«Она мала, беспомощна, слаба,

В ней нет, увы, и корки нашей силы,
Она пока по младости слепа.

Нам столько лет – как никому на свете,
И потому, конечно, столь мудры.
Наивной быть нельзя, совсем как дети –
Она поймёт об этом до поры».

Пришла зима – страшащая, как йети,
Деревья все откинули листву.
А с елью что? Она в зелёном цвете,
Благодаря простому естеству.

Судили ель по возрасту и только,
Пророча ей скоп собственных проблем,
Но не было в сужденьях этих толку –
Ведь дело тут не в возрасте совсем.

Поверь в себя, когда в тебя не верят…

Поверь в себя, когда в тебя не верят,
Поверь в себя, не верящим назло.
Пускай они беснуются без меры –
Греби сильней поломанным веслом.

Будь сам себе поддержкой и опорой,
Мечту свою желаньем приближай,
Не замечай преград, судьбы заборы,
И будет плодоносным урожай.

Иди вперёд уверенно, без спешки,
Держа настрой, держа победный пыл.
И помни, что дешёвые насмешки
Однажды вмиг оборотятся в пыль.

Настанет день, когда, достигнув цели,
Осмотришь горделиво всех вокруг,
И те, кто звонче всех смеяться смели,
Захлопают тебе до боли рук.

Звание дипломанта **Токарева Полина Александровна** (малая проза) – родилась в 1999 году в городе Заречный Пензенской области. Студентка 4 курса Пензенского Государственного Университет по специальности «Биотехнические системы и технологии».

Голубые незабудки войны

Героини рассказа – военные летчицы или, как их называли с опаской фашисты, «ночные ведьмы». Рассказ написан от лица одной из них.

Мы вышивали на ткани незабудки. Голубые нитки из распущенных кальсон по-новому расцветали на длинных белых портянках, уже сотню или тысячу раз перестиранных. У кого-то цветы были покрупнее, у кого-то – помельче. Пашкова Юля вышивала букетик, старательно чередуя то голубые, то зелёные нитки. Она то и дело показывала его всем остальным, спрашивая, красиво ли выходит. Мы кивали. Действительно, получалось очень красиво.

До ночного вылета оставались считанные часы. Бегали девочки-инженеры с большими канистрами масла, с ключами и металлическими листами, чтобы поставить на боевые машины заплаты понадежнее. Вдалеке уже слышалось тарахтение грузовиков – привезли бомбы. С водительского сидения браво спрыгивал усатый шофёр, распахивал дверцу машины и начинал подавать оттуда тяжёлые металлические шары. И хрупкие девчонки подхватывали их и, взгромождая на плечи,

тащили к своим ящикам – оттуда их будет быстрее и удобнее доставать ночью, на ощупь, торопясь в темноте. Аэродром работал во время вылетов как часы. Все для боя должно было лежать на своих местах и ждать приказа.

– Смотри, у тебя уже не портянки, а полянки, – пошутила хохотушка Женя Руднева, кивая на длинные волнистые полосы, над которыми корпела Аня Колокольникова. Старательная Аня всегда успевала вышить больше всех нежных цветков, хоть и маленьких, но искусно переплетающихся между собой в продолговатый затейливый узор, который и, правда, напоминал полянку. Мы по-доброму засмеялись, отмечая необычное сходство. Аня тоже смеялась, убирая со лба отросшую прядь, а потом снова принималась осторожно прокалывать тонкую ткань кривоватой иголкой.

– Эх, вот бы нитки другие достать, – Женя покачала головой.

Люба Варакина, откусив нитку, разглаживала свои портянки, штопаные-перештопаные, но украшенные, как у всех, голубыми звездами цветов.

– С немцев форму снимем, – фыркнула Дуся Носаль. Вышитые ею большие и редкие цветы закрывали дыры и пятна от кровавых мозолей.

– А толку от них, все в черном... – пробормотала Люба, продолжая тему. Те из девушек, кто немцев видел живыми, назад не вернулись.

Наше место – не на земле, а в небе, а оттого о приметах врага мы знаем только по рассказам приезжающих водителей и пилотов да по отчетам, сводкам из шипящего радио, которое спрятано в подвале. Для нас все немцы на одно лицо — это тёмные пятна вражеских позиций да огни зениток, воющих и свистящих каждый раз, когда выпускают заряд.

– Машка вон рукой машет... – задумчиво протянула Валя Ступина, со вздохом завязывая узелок голубой нитки и оставляя цветок с лепестками, вышитыми наполовину. Мы тоже обернулись – к нам, прихрамывая, шла рыжая радистка.

Из динамика звучали новые цели и новые координаты на эту ночь – стоило поторопиться, чтобы внимательно послушать. Заскрипели старые табуретки и рассохшиеся ящики, служившие стульями. Кто-то бережно наматывал на ноги портянки с незаконченной вышивкой, стараясь оставлять цветы наверху. Самые нетерпеливые, схватив ткань в охапку, бежали в сапогах на босу ногу. Те, кто постарше, качали головами, по-матерински ворчливо бормоча себе что-то под нос, шли в самом конце, обсуждая вполголоса цели, которые даны сегодня.

Голубые незабудки на портянках да танцы на пустом взлётном поле под хлопки ладоней и звонкие голоса особо талантливых девушек — вот и все развлечения для женского авиационного полка. Но мы не жаловались. Мы никогда не жаловались, принимая свою судьбу такой, какая есть. Ведь каждая из нас была тут по своей воле и из-за своей печали.

И каждая, как голубая незабудка, сияла на грубой холщовой ткани истории войны.

Героиня неба

Этот рассказ – попытка представить, какой была советская летчица Валентина Степановна Гризодубова, первая женщина, удостоенная звания Героя Советского Союза.

Однажды в нашу школу пришла необычная женщина. Она была крупной, широко шагала по коридорам, сжимая свои крепкие кулаки. Звездочки на ее темно-зеленой форме сияли в лучах робкого весеннего солнца, а взгляд твердо смотрел вперед. Все оборачивались ей вслед и громко шептались. Кто это мог быть? Чья-то мама? Новая учительница? Проверяющая из районо?

Мы строили самые необыкновенные догадки. Пашка, наш школьный хулиган, клялся, что это инспектор милиции из соседнего города, приехала, чтобы ловить опасных преступников, и наверняка задержит их и без подкрепления. Кристина утверждала, что женщина эта из партии, потому у неё на груди несколько орденов, и пускают её везде, куда захочет.

Все мы терялись в догадках, пока дверь класса не распахнулась, и учительница не захлопала в ладоши, привлекая всеобщее внимание.

– Дети! Сегодня к нам пришла гостья! – весело улыбнулась она, пока мы рассаживались по местам, поправляя растрепавшиеся хвосты и косички, не забывая дергать впереди сидящих мальчиков за пионерские галстуки.

– Встречайте – Валентина Степановна Гризодубова! Наша советская летчица и героиня! – учительница захлопала первой, и в наш маленький класс вошла та самая таинственная женщина в тёмно-зелёной одежде. Ордена на ее груди полыхнули особенно ярко под лампами, а сама она необыкновенно спокойно и нежно нам улыбнулась. Как будто и не была великаншей для нас, маленьких третьеклассников.

Весь урок мы, затаив дыхание, слушали рассказы лётчицы о том, как её отец, изобретатель и тоже лётчик, готовил её для полётов и уже в два с половиной года взял с собой в далёкое голубое небо, пристегнув к себе ремнями; о первом полёте в четырнадцать лет на слёте планеристов; об учёбе и игре на рояле, о спортивных школах и школах лётчиков-инструкторов. О том, как сложно ей было идти вперёд, но мечта о небе и самолетах была сильнее. Ведь так здорово летать, будто птица, в этой высокой голубой дали. И так здорово быть полезной людям, будь то работники колхоза или городские граждане, летящие со своими семьями в летний отпуск.

Мы с восторгом смотрели на женщину, твёрдо сжимающую свои кулаки, когда она рассказывала, как самолёт приземлился в тайге, как она и напарница ждали в глухом лесу спасения. Рации у них не было, а летели они на лёгком самолёте без личных вещей, совершая беспосадочный перелёт из Москвы до Комсомольска-на-Амуре. Её слова о том, что она знакома с *тем самым* Королевым, который конструировал ракеты, привели нас в еще больший восторг – оказывается, можно вот так запросто, как своих товарищей, упоминать великих людей.

Её рассказ о войне, о ночных вылетах в сторону фашистских позиций, о поддержке партизан заставлял притихнуть даже вечно неугомонных, шумных мальчиков. Звезда Героя Советского Союза, переданная по рядам, дошла и до нашей парты, и я с восторгом провела пальцем по её ребристым краям. Эта награда впервые была вручена женщине, такой храброй и такой сильной. Больше ни у кого такой не было. А у неё – была. А значит, могла быть в будущем и у меня, если я захочу. Ведь главное – это стараться и идти вперёд!

Мы завалили лётчицу вопросами, не успевая поднимать руки и совершенно невоспитанно перебивая друг друга. Женщина, посмеиваясь, быстро отвечала всем, кого слышала.

Учительница пыталась нас успокоить и предложила говорить по очереди, но мы знали, что урок скоро закончится, и героиня уйдёт. И тогда мы не успеем спросить всё, что хотели, поэтому изо всех сил тянули руки, приподнимаясь из-за парт и нетерпеливо топая ногами по полу. Шум и гам наполнили класс, заглушив противную трель звонка.

На перемене ко мне подошла Машка, соседка по парте. Она протянула мне тетрадку, где на аккуратно отчерченных полях красовалась звезда Валентины Гризодубовой, обведённая дрожащим карандашом. То-то она так долго возилась с медалью, пока я во все глаза смотрела на героиню.

– Давай тоже будем лётчицами? И полетим из Москвы в Комсом... Комсомольск-на-Амуре? — предложила мне Машка, мечтательно глядя куда-то за окно в высокую синеву. Я тоже посмотрела в небо, щурясь от слепящего солнца.

– Не! Мы полетим до Антарктики, – я прислонила ладонь ко лбу, как козырёк, и посмотрела на лохматую Машку. В её зрачках сияли лучи, как в гранях золотой звезды, и я довольно кивнула. – В Антарктике нет тайги. А падать в сугробы, если что, будет совершенно не страшно.

Добавить комментарий

Комментарии